

Учебное издание

**Церковь, общество и культура
в Поздней Античности и Средневековье**

Учебное пособие

Художественное оформление *Н. Е. Ильенко*
Корректоры *М. А. Вдовиченко, Н. А. Ионина*
Верстка *Ю. Б. Пашковой*

Есть искушение предположить, что деревенская жизнь всегда мало менялась. Отнять у современной деревни электричество, и получится деревня средневековая. На примере Монтайю видно, что отличий средневековой деревни от деревни XX в. все же много. Браки были действительно ранними, в ряде случаев семейная жизнь окситанцев усложнялась отсутствием моноконфессиональности.

Деревня не знала колеса, выращивались в основном зерновые, а также репа, пахали на волах, лошади предназначались рыцарям, но вот к ослам относились с немалой долей уважения. Отгонное животноводство дополняло экономику многих деревень как во Франции, так и в соседних странах. Вообще деревенский менталитет отличался рядом интересных особенностей. Можно сказать, что существование деревенских проходило «на границе между светом и тенью», дело даже не столько в катаризме населения, сколько в огромном количестве местных обрядов, аспектов внутреннего обихода и в своеобразной системе отношения к жизни. Деревенских раздражало присутствие церкви, собирающей десятину и требующей внесения многочисленных взносов в условиях бедности значительной части населения.

В целом жители деревень были похожи друг на друга — что во Франции, что на Руси. Здесь царило равенство, и появление чужаков, к тому же состоятельных, воспринималось крайне отрицательно. Люди в деревне ощущали себя включенными в семью, причем большую, состоящую из ряда родственников разных поколений. Подчинение устанавливалось внутри этой системы. В домах проживала часто и скотина, создавая дополнительное тепло. Стекол на окнах, закрываемых ставнями, еще не было. Что касается правил гигиены, то обычные деревенские жители их не придерживались, предпочитая избегать воды и бань во всех видах, зато они тщательно искали друг у друга вшей, что было признаком расположения и проявлением персонального интереса. Вши, безусловно, присутствовали и у городских жителей.

А. Г. Авдеев (ПСТГУ)

«Каменный архив» Московской Руси: Люди, события, культура в зеркале монументальной эпиграфики

Основные положения спецкурса. В основу спецкурса положены итоги изучения монументальных эпиграфических памятников середины XV — первой четверти XVIII в. (старорусские надписи) автора, отражённых в научном проекте «Свод русских надписей / Corpus Inscriptionum Rossicarum», поддержанном Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом, Университетом Дмитрия Пожарского и Лабораторией RSSDA¹. Проект создаётся на основе применения новейших компьютерных технологий. Электронная версия: Свод русских надписей / Corpus Inscriptionum Rossicarum // <http://cir.rssda.su>.

При современном состоянии исторической науки, занимающейся исследованием Древности и Средневековья, подъём на более высокую ступень познания прошлого возможен тремя путями — поиском и введением в научный оборот новых источников, совершенствованием методик их изучения и их широкой интеграцией с иными гуманитарными дисциплинами, а также обращением к источникам, вызывающим ограниченный интерес у историков. На пересечении этих путей находятся памятники эпиграфики, в которых отражены различные области человеческой деятельности, однако старорусским надписям уделяется скромное место в научных исследованиях, вузовских курсах вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения истории России.

Спецкурс преследует цели ознакомить студентов с содержанием монументальных надписей Московской Руси, приёмами их анализа и источниковедческой критики, показать их роль и место в письменной культуре Руси, а также продемонстрировать их значимость для исследования различных аспектов истории Руси избранного периода. Спецкурс также демонстрирует студен-

¹ Научный руководитель проекта — д-р ист. наук, проф. А. Г. Авдеев, технический руководитель проекта — Ю. М. Свойский.

там результаты и перспективы применения археологии смыслов и представлений, известных создателям эпиграфического памятника, но скрытых в тексте надписи и за его пределами, что возможно при привлечении широкого круга исторических источников¹.

Введение. Название науки, исследующей надписи, — «эпиграфика» — неологизм XIX в., возникший в эпоху становления методов и приёмов исторического источниковедения. Этот термин обозначает не только науку в целом, но и отдельные её отрасли. Ещё одно значение термина «эпиграфика», выводимое из практики исследований, — совокупность всех надписей той или иной эпохи, страны, региона, народа.

Объектом изучения в рамках спецкурса являются памятники монументальной эпиграфики Московской Руси, которые хранят память о человеке, факте или событии и, в зависимости от типа надписи, имеют устойчивый набор информативных единиц.

Методика исследования старорусских эпиграфических памятников отталкивается от структурообразующего звена древнерусской культуры, которое Г. М. Маркелов назвал принципом следования подобиям. Он восходит к греческому термину *πρόσμοιος* (подобный) и, будучи неразрывно связан с литургикой, литературным этикетом, иконописью, храмовой архитектурой и музыкой, предполагает обязательное следование определённому архетипу. Всё это закреплено в формуле Алексея Михайловича: «всякой вещи честь и чинь и образец Писанием предложень быть».

¹ Рекомендуемая литература по курсу: *Авдеев А. Г.* Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006; *Авдеев А. Г.* Валунные надгробия Верхневолжья (Конец XV — вторая треть XVIII в.): Вопросы генезиса, бытования и источниковедения. М., 2015; *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996; *Беркович В. А., Егоров К. А.* Московское белокаменное надгробие. Каталог. М., 2017; *Гиришберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Ч. I. Надписи XIV—XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Т. I. С. 3—66; *Гиришберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. Ч. II. Надписи первой половины XVII в. // Нумизматика и эпиграфика. 1962. Т. III. С. 212—287; *Дрбоглав Д. А.* Камни рассказывают... Латинские эпиграфические памятники. XV — первая половина XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань). М., 1988; Русское средневековое надгробие. Материалы к своду / Сост. и отв. ред. Л. А. Беляев. Вып. 1. М., 2006.

Эти же принципы прослеживаются и в памятниках монументальной эпиграфики Московской Руси, по мнению многих современных исследователей занимавших едва ли не нижние «этажи» в иерархии письменной культуры. Внешнее следование «чести, чину и образцу» в них опиралось на этикет формул, из которых «монтировалось» сообщение — будь то эпитафия, строительная надпись или храмовая летопись, поклонный или намогильный крест и другие типы эпиграфических памятников.

Как исторические источники, старорусские эпиграфические памятники имеют свою специфику, которая связана с местоположением, типом надписи, материалом и формой носителя, особенностями декоративного его оформления и заключённой в надписи уникальной информацией о человеке, факте или событии в единстве с традиционными источниками, которые позволяют включить эпиграфический памятник в общий историко-культурный контекст эпохи. Как памятники письменности, надписи требуют исследования в комплексе с различными категориями современных им источников.

Эпиграфика в открытой графосфере русского города конца XV — начала XVIII в. Термин «графосфера» сравнительно недавно был введён в научный оборот британским славистом С. Франклиным. Под ним — применительно к русской истории — исследователь понимает «пространство видимого одним из «фрагментарных зачатков» русской графосферы. Публичную графосферу точнее было бы разделить на открытую и внутреннюю. К открытой графосфере принадлежат надписи, доступные для свободного обозрения на стенах церквей, зданий, пространствах приходских некрополей и других объектах.

Массовое — с начала 90-х годов XV в. — распространение надписей на белокаменных плитах совершило информационную революцию, воспринятую и активно развиваемую всеми слоями русского общества. Неизменные во времени монументальные надписи, которые хранили память о дате, лице и событии, были сделаны на вечных носителях — белокаменных и керамических плитах, а также на металлических листах — и доступны для чтения. Несомненным преимуществом эпиграфических текстов были их открытость, лаконизм содержания, подчинённого определённому формуляру, при этом насыщенного датами, личными именами и ойконимами.

Памятники монументальной эпиграфики как один из массовых носителей текста, старорусские надписи, наполнявшие открытую графосферу населённых пунктов Московской Руси, создавались грамотными людьми для грамотных же людей.

В Московской Руси наиболее насыщенной и восприимчивой к переменам была графосфера столицы государства — Москвы. Менее заметны перемены в уездных городах, где традиции старорусской эпиграфики удерживались вплоть до конца XVIII в. В усечённом, по сравнению с городом, виде открытая графосфера существовала также внутри монастырей и в сельских поселениях на стенах находившихся там храмов и окружающих их некрополей.

Открытая графосфера Москвы конца XV — начала XVIII в. состояла из нескольких, перекрывающих друг друга пространств видимого Слова. Ранее других появилось *официальное пространство*, связанное с саморепрезентацией государственной власти. После подавления Медного бунта её составной частью стала *графосфера кары* — тексты, сопровождавшие прибитые к деревьям отрубленные конечности преступников с указанием вины последних. В 1682 г. вместе с мятежными стрельцами графосфера кары ворвалась на Красную площадь, где были установлены первые гражданские монументы — «столпы» с надписями, объявлявшими о винах проворовавшихся бояр и дьяков.

С последних лет XVII в. пространство официальной графосферы по воле Петра I пришло в движение. Начиная с празднеств по случаю успешного завершения Второго Азовского похода (1697), военные победы царя-реформатора одновременно с новой культурой зрелищ создавали новое пространство видимого слова *официально-панегирического* содержания, в основе которого лежали воинские традиции Рима.

Сакральное течение *графосферы времени* — от сотворения мира до конца времён — раскрывал годовой круг богослужений. Счёт профанному времени вели механические башенные куранты, которые сопровождали смену отрезков времени «перечасьем».

Неофициальная графосфера города была более разнообразной. Надписи, образующие *графосферу личного благочестия*, были обращены как к индивидуальному, так и к коллективному читателю. К таким текстам в первую очередь относятся строительные надписи, созданные от имени частных лиц.

К памятникам, воспитывающим личное благочестие, принадлежат надписи, образующие *учительное пространство*, которое объединялось с пространством звучащего Слова — церковной проповедью и, как и она, по сути своей несло элемент духовного наставления.

Надписи, аккумулирующие *графосферу коллективной памяти*, сообщали о событиях, изменивших течение повседневной жизни. Например, масштабная эпидемия, опустошавшая русские города в 1654–1655 гг., побудила посадских людей Старой Руссы, Ярославля и Шуи установить памятные Голгофские кресты. В сделанных на них надписях выражались благодарность Богу за прекращение морового поветрия и уверенность в том, что главный символ христианства уберёжет жителей от новых эпидемий.

Бунташный XVII в. породил *графосферу крамолы*, отразившуюся в «назаборных» надписях на стенах зданий.

Особое семантико-символическое пространство в открытой графосфере занимали эпитафии на надгробиях, аккумулировавшие различные аспекты памяти. *Графосфера кладбища*, созданная унифицированными по форме и декоративному оформлению надгробными плитами с эпитафиями, составленными по единому формуляру, стирала грань между безличным и личным, безмолвным и звучащим, сосуществуя как диалоговая коммуникация в единстве реального и литургического времени, и увековечивала имена равных в благой кончине «рабов Божиих». Графосфера некрополя сочетала индивидуальную память в вырезанных в эпитафиях именах и датах смерти, и коллективную, закреплённую родовыми участками погребений, что в целом организовывало графосферу живой памяти.

Человек Московской Руси от крестильной купели до гробовой доски. Старорусские эпитафии являются множеством хронологических текстов, не связанных друг с другом причинно-следственными связями и не имеющих, с точки зрения книжников Московской Руси, той же ценности, что исторические повествования и жития святых. По сравнению с иными категориями источников, надписи обладают важными преимуществами — высокой степенью формульности, массовостью, более тесной связью с повседневной жизнью и известным «демократизмом», так как отражают события, не вызывавшие повышенного интереса у книжников, —

время смерти конкретного человека, дату строительства разного рода сооружений, восприятие отдельных событий. Памятники монументальной эпиграфики Московской Руси наполнены датами и «населены» людьми, стоявшими на всех ступенях общественной пирамиды, — от царя и патриарха до посадских людей и крестьян. Как самый массовый тип надписей, включавший простейшие агиографические элементы, старорусские эпитафии связаны с реальными нормами и практикой имянаречения в Московской Руси.

При этом эпитафии второй половины XVII в., в которых отражены биографические сведения об умерших, являются массовым источником, сообщаящим не только о возрасте, но и о глубинных явлениях духовной культуры, отражающим выбор имени и особенности поминальной культуры.

В старорусских эпитафиях день крещения именовался тезоименитством, именинами, днём рождения и даже живой памятью. В этот день, связанный с духовным рождением человека и вхождением его в лоно Церкви, ребёнок получал имя святого, на день памяти которого он был крещён. Это и был, собственно, день рождения человека.

Указание на день памяти святого, на который пришлась кончина, встречается в эпитафиях с конца XV в. — едва ли не с момента их активного распространения: подобно тому, как в день тезоименитства человек рожался в новую жизнь во Христе и получал имя святого, на день памяти которого было совершено Таинство Крещения, так и в день памяти святого, на который пришлась смерть, он переходил («преставлялся») в жизнь вечную.

Об основах регулирования процесса захоронений на кладбищах Московской Руси и церковного поминовения умерших свидетельствуют различные категории исторических источников, созданных на Руси в XV—XVII вв. Общей их чертой является деление смерти на три вида: «благую» или естественную, «нужную» (скоропостижную или насильственную, не зависящую от воли человека) и «напрасную», сопряжённую с грехом, неразрывно связанную с допустимостью/недопустимостью христианского погребения и церковного поминовения.

Идеалом древнерусского человека была «благая» (благочестивая) кончина, не препятствующая отпеванию в храме, погребению на приходском кладбище и церковному поминовению. Её чин

и образец создавала самая распространённая формула эпитафий, вырезанных на белокаменных плитах и валунных надгробиях, — «преставился раб Божий/раба Божия». Случаи «нужной» смерти также отражались в формуляре старорусских эпитафий, которые различают два вида смерти «отъ чюжихъ рукъ» — собственно убийство и гибель от рук иноземцев, бунтовщиков и разбойников. Частным случаем «нужной» смерти была гибель на поле боя, которая в эпитафиях служилым людям рассматривалась как смерть «за государя царя» или «на государевой службе».

Люди и события Московской Руси в зеркале эпитафий. Старорусские эпитафии, будучи носителями информации о времени перехода христианина из мира временного и тленного в мир вечный, являлись памятниками духовной культуры своей эпохи. Подобно современным им произведениям книжности, они были связаны с комплексом представлений о личном благочестии и также отражали целый блок идейно-символических значений.

Появление первых подписных надгробий в последней четверти XV — начале XVI в. совпало со временем поистине тектонических сдвигов во всех отраслях жизни Руси. Основную причину необходимо искать в переменах во внутрицерковной жизни и поминальной культуре, шире — в глобальном переосмыслении образа Смерти, которое в XIV—XV вв. охватило весь христианский мир и привело к важнейшим переменам в общественном сознании. В католическом мире — это индивидуализировавшие образ Смерти изображения *danse macabre*, где представители всех сословий вовлечены в пляску всемогущей Смертью-скелетом с песочными часами в одной руке и косою — в другой, а также надгробия, именуемые *cadaver* или *transi tombs*, с изображением полуразложившегося трупа с портретными чертами умершего. На Руси — это перевод стихотворного диалога-листочка «Двоесловие Жизни и Смерти», изданного в Любеке Бартоломеем Готаном, а также поздневизантийский покаянный стих «Зрю тя, гробе», в едином комплексе с книжными миниатюрами и иконописными сюжетами утверждающие необходимость заботы о посмертной участи души. В это же время на Руси сформировалась ставшая гарантией спасения души системная практика поминовения умерших, в разработке которой ведущая роль принадлежит прпп. Иосифу Волоцкому и Нилу Сорскому. В конце XV в. церковные приходы — внесословные не ад-

министративные территориально-религиозные общности — приходят на смену покаянным семьям. Этим явлениям синхронно распространение подписных надгробий. Храм и некрополь, живые и умершие прихожане стали единым целым, а объединяющим их стержнем — годовой круг богослужений и поминальная практика. Последняя и способствовала появлению и распространению подписных надгробий. Форма и декоративное оформление намогильной плиты дали *нейтральный* образ смерти тела, скрытого узором, общим с основополагающими для иконописи обратной перспективой и смещением понятий «цвет» и «свет», а формула «преставися раб Божий (имярек)», объединявшая в рамках религиозной корпорации «разные чины людей», признавала их равенство и ответственность перед Богом в земной жизни и после смерти.

К начальному этапу формирования старорусской эпитафии относится белокаменный крест дьяка Стефана Бородатого, установленный между 7 ноября 1458 г. и 31 марта 1461 г. над могилой его сына Ильи в Ростовском Воскресенском монастыре. Вырезанная на кресте надпись наряду с эпитафией несёт текст вкладной грамоты на две деревни под условием вечного поминовения сына и, таким образом, связывает формуляр поминальных граффити, надписей на намогильных крестах и эпитафий на белокаменных плитах, демонстрируя их генетическую взаимосвязь и преемственность накануне появления подписных намогильных плит.

Эпитафии XVI в., относящиеся к эпохе повсеместного распространения старорусского надгробия, бедны содержанием. В них безраздельно господствовали некрологические формулы, извещавшие о времени окончания земной жизни «разных чинов людей», но о чертах их биографии иных типов источники либо молчат, либо дают неполную информацию.

Наиболее яркие примеры эволюции намогильных надписей этого столетия дают три эпитафии. Формуляр первой — архиепископу Ростовскому и Ярославскому Тихону (Малышкину) († 1511) — типичен для XVI в., но её уникальность состоит в том, что она содержит дату смерти епархиального архиерея, отсутствующую в традиционных источниках, тогда как факты его биографии хорошо известны. Две другие демонстрируют противоположные полюсы общественного сознания, иллюстрируя смерть праведника и раскаяние грешника. Одна служит «ниточкой» к разгадке

обстоятельств смерти прп. Корнилия Псково-Печерского († 1570) от рук Ивана Грозного, другая — позволяет взглянуть на жизнь и духовный мир уездного служилого человека конца столетия через автоэпитафию «неистового блудника» Ивана (Головы) Соловцова, умершего в конце столетия. В ней впервые в старорусской эпитафике негативный жизненный опыт человека преподан в качестве назидания ныне живущим и потомкам.

Эпитафии Смутного времени нередко содержат уникальную информацию о людях и событиях этой эпохи. Одним из примеров значимости этих памятников является белокаменная намогильная плита-вставка с эпитафией Василию Васильеву сыну Обольянинова из Псково-Печерского монастыря, в которой указана точная дата битвы на реке Вырке (12 февраля 1607 г.), не известная из традиционных источников. Эпитафия Алексею Васильеву, сыну Назимову, похороненному в том же некрополе, содержит дату второй битвы под Кромами (31 августа 1607 г.), также не известную из других источников. А эпитафия Мелентию Васильевичу Капустину (Спасо-Воротынский монастырь), погибшему в битве на речке Воронья (12 июня 1607 г.), сообщает неизвестные сведения об участии в этом сражении служилых людей по Воротынску. Ценным источником, содержащим дополнительные подробности о разорении Калязинского Макарьева монастыря отрядом Лисовского в мае 1610 г., является эпитафия Левкию, обнаруженная в этой обители.

Время расцвета старорусской эпитафики приходится на правление первых Романовых и обусловлено начавшейся во второй половине 40-х годов XVII в. эпохой смещения типов надписей. Эти новшества были порождены тремя факторами: эволюцией содержания эпитафических памятников, усилением элементов светской культуры и западным влиянием. С этого времени постепенно распространяются намогильные тексты биографического и фактографического содержания, а также стихотворные эпитафии. Наряду с ними в широкий обиход вошли эпитафические памятники иных типов, которые свидетельствовали о разных сторонах повседневной жизни, — храмозданные летописи, надписи о росписи соборов, памятные кресты и др. Самым масштабным «проектом» стал эпитафический проскинитарий по Ново-Иерусалимскому монастырю, созданный во второй половине XVII в. патриархом Никоном и его учениками.

Эпитафии конца XVII в. зачастую остаются единственным источником биографических сведений о людях Московской Руси. Так, эпитафия патриарху Адриану († 15 октября 1700 г.) позволяет установить приблизительную дату его рождения — не ранее 2 октября 1638 г. Надгробная плита-вставка на западной стене Троицкого собора Троицкого Данилова монастыря в Переславле Залесском указывает на место погребения известного деятеля раннего старообрядчества Ивана Неронова, который в конце жизни вышел из раскола, принял постриг с именем Григорий и умер 2 января 1670 г. архимандритом этой обители. Важные подробности биографии даёт эпитафия воеводе Мурашкинского дворцового уезда Давиду Исааковичу Племянникову, который был убит восставшими крестьянами во время восстания Степана Разина и похоронен на родовом некрополе в Авраамиевом Новоезерском Успенском монастыре близ Галича. Сопоставление же стихотворной эпитафии Симеону Полоцкому, созданной Сильвестром Медведевым, с сочинением «Остен», написанным идейным противником последнего Евфимием Чудовским для патриарха Иоакима, раскрывает основные пункты полемики «грекофилов» и «латинствующих». Последние, возглавляемые Симеоном Полоцким, ориентировались на славяно-латинский формат образования и сближение с западноевропейской культурой. «Грекофилы», активно поддерживаемые патриархом Иоакимом, ориентировались на славяно-греческий формат образования и византийскую учёность, что в перспективе могло бы объединить Православную Церковь под главенством Москвы.

В целом основной заботой создателей эпитафических памятников разных типов была «малая» эсхатология. Это вытекало не только из функционального назначения эпитафий, строительных надписей и «каменных синодиков», но также из повседневной заботы о поминовении усопших, способствующей избавлению их от адских мук и шуего стояния на Страшном Суде.

Московская Русь на переломе эпох: старое и новое в эпитафиях. Надписи рубежа XVII и XVIII вв. отражают постепенный уход старых традиций и зарождение новых. Важнейшие изменения, отразившиеся в памятниках книжности, архитектуре, изобразительном и прикладном искусстве, в старорусской эпитафической практике, связанные с этим процессом, начались накануне эпохи

московского барокко, во второй половине 30-х — 40-е годы XVII в., и связаны с кардинальными переменами в репертурии надписей. В первую очередь это отказ от следования традиционным формулам и появление индивидуальных текстов, дающих представление о вкусах, литературных и политических пристрастиях их составителей, что свидетельствует о расцвете эпитафической практики, а также постепенном зарождении черт эпитафики новой, европеизированной эпохи. Надписи рубежа XVII—XVIII вв. с характеристикой личных качеств человека связаны с элитой общества и относятся либо к эпитафическим памятникам смешанных типов, либо к стихотворным эпитафиям, отразившим присущий эпохе барокко интерес к человеческой личности и вкусы «вестернизованных слоёв общества».

Надпись из московской церкви Троицы в Хохлах (1696 г.), помещённая над могилой 16-летней Неонилы Чириковой, соединяет информативные единицы, характерные для эпитафий, элогиарных и строительных надписей. Обилие устойчивых агiotипов, почерпнутых из богослужебных текстов, последовательно структурирует идеал добродетельной и богобоязненной девушки, следовавшей житийным образцам, и создаёт образ традиционной семьи, живущей по нормам Домостроя, в которой излюбленным предметом чтения были жития и службы святым.

С этой надписью сходна эпитафия думному дьяку Дементию Миничу Башмакову († 1705) из московской церкви Похвалы Божией Матери у Всехсвятских ворот. Она также наполнена агiotипами и евангельскими реминисценциями, благодаря чему имеет ярко выраженные черты элогия и содержит рассказ о богоугодных делах и благодеяниях Д. М. Башмакова — вкладах в монастыри, раздаче милостыни нищим и убогим и, наконец, о главном деле его жизни — строительстве новой церкви.

Обе надписи современников, принадлежавших к разным поколениям, — юной Неонилы Чириковой и умудрённого жизнью Дементия Башмакова, но получивших традиционное для Московской Руси воспитание, — указывают на общее понимание смысла жизни православного христианина — стремление жить, следуя евангельским нормам и житиям святых.

О постепенной смене традиций старорусской эпитафики свидетельствуют проникшие в эпитафии новые воинские традиции,

рождённые реформами Петра I, а также латиноязычные надписи первых десятилетий XVIII в., связанные с внедрением в русское общество основ античной культуры. Мемориальные надписи эпохи московского барокко вместе с произведениями других жанров письменности, созданных на «мягких» носителях, открыли культуру раннего Нового времени в России, связанную с постепенной сменой традиционной культурной ориентации на европейскую. Новые культурные традиции проявляются в уникальных для старорусской эпиграфической практики надгробных памятниках верижника Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле Саватия († 1698) и воеводы Алексея Семёновича Шеина († 1700), а также латиноязычных эпитафиях Францу Лефорту († 1699) и студенту или преподавателю Славяно-греко-латинской академии Василию Выговскому († 1718), которые по форме, языку, структуре информационных элементов, принципам их размещения открывают новый путь развития русского надгробия, во многом намечая и предвосхищая общие системные изменения, характерные для эпиграфической практики послепетровского времени.

Моровое поветрие 1654–1655 г. в памятниках старорусской эпиграфики. Моровое поветрие 1654–1655 гг. было одним из самых масштабных в истории Московской Руси. Описанные в источниках его ход и клинические признаки позволяют — вопреки традиционной точке зрения — определить его как эпидемию сибирской язвы. Эпиграфические памятники, связанные с моровым поветрием, — надгробия с эпитафиями жертвам морового поветрия и памятные Голгофские кресты — указывают на восприятие эпидемии современниками и способы увековечения памяти о ней, а также уточняют или называют продолжительность эпидемии в населённых пунктах, не упомянутых в традиционных источниках, — Галиче и Шуе. Память о моровом поветрии сохранилась и в эпиграфических памятниках XVIII–XIX вв. — надписях на списках и окладах чудотворных икон, прославленных во время эпидемии, припоминаниями в строительных надписях и высеченных в камне храмовых летописях.

Отражение элементов культуры в старорусских монументальных надписях. Надписи несут многомерную информацию о прошлом, и их использование в качестве исторического источника является традиционным полем эпиграфических исследований. Как черта

политической культуры в строительных надписях конца XV — начала XVII в. представлены элементы великокняжеской и царской титулатуры, в частности, титул «самодержец», впервые в древнерусской эпиграфической практике употреблённый в надписи 1491 г. на Спасской башне. На основе памятников «малой» эпиграфики Московской Руси — монетных легенд и надписей на государственных печатях — доказываются бытование термина «господарь» вплоть до 1633 г.

Монументальные надписи Московской Руси позволяют выявить места некрополей при храмах и монастырях и достаточно уверенно маркировать расположение храмов в системе городской планировки. В ряде случаев они дают наиболее раннюю, по сравнению с иными источниками, дату их существования. Так, найденные в Кашине эпиграфические памятники конца XV — XVI в. — надгробные камни с эпитафиями, а также надписи на иных предметах, имеющие твёрдую топографическую и хронологическую привязку к храмам и монастырям, являются надёжным источником для реконструкции городской застройки в досмутное время. Аналогичным образом комплекс белокаменных надгробий, найденных у дома 44а по Верхней Красносельской улице в Москве, доказывает существование церкви в селе Елохове в середине XVI в., что согласуется с данными жития Василия Блаженного о месте и времени рождения подвижника.

Важное значение старорусских эпиграфических памятников для изучения истории архитектуры и строительного дела демонстрируют две надписи. Первая — о возведении стен в Троицком Ипатьевском монастыре (1586), вторая — о строительстве палат на подворье рязанских архиереев в Москве (1654). Из них известны цели строительства, время строительных работ и особенности архитектурной планировки зданий.

Эпиграфические памятники XVI–XVII вв., свидетельствующие о времени росписи храмов и сохранившие имена трудившихся над фресками мастеров, традиционно используются как важный источник по истории искусства Древней Руси. Так, надпись о строительстве и росписи Богоявленского собора Костромского Богоявленского Анастасиина монастыря сохранила уникальные сведения по архитектурной и художественной истории Костромы конца 50-х — начала 60-х годов XVI в. и важное свидетельство о почи-

тании св. князя Феодора Ярославского и его чад на Костромской земле. Фрески Троицкого собора Макарьево-Калязина монастыря, выполненные артелью государевых кормовых иконописцев во главе с Симеоном Аврамовым летом 1654 г. (С1R0092), принадлежат к числу признанных шедевров древнерусского искусства второй половины XVII в. К началу XX в. надпись с именами иконописцев дошла с многочисленными загрязнениями и утратами красочного слоя. Методика бесконтактного трёхмерного моделирования с последующей визуализацией рельефа поверхности математическими алгоритмами, используемая при документировании и исследовании эпиграфических памятников в С1R, позволила частично восстановить утраты текста. Основным же источником для полной реконструкции надписи стала запись в Синодике Калязина монастыря, что позволило уточнить уже известные имена иконописцев и выделить новые, не читавшиеся из-за повреждённости и загрязнения текста.

Изучение одной из уникальных эпиграфических реликвий Соловецкого монастыря — белокаменного креста прп. Савватия Соловецкого в культурно-историческом и агиографическом контексте позволяет определить его как изготовленную в последней трети XV в. реплику начального креста, установленного подвижником при основании обители. В 1556/57 г., как сообщает надпись на тыльной стороне креста, святыня была обретена «взысканием и потружением» св. игумена Филиппа и установлена в палатке с мощами соловецких подвижников.

Развитие старорусской эпиграфики со второй половины XVII в. связано с культурой московского барокко и её эстетикой образа, эмблемы, символа, зафиксированного в слове-подписи. Надписи органично вписались в эту эпоху, став идеальным полем для интеллектуальных «игр» с личными именами, воспринимая их как графический знак, символ, который можно разглядывать, обыгрывать, превратить в загадку. К видам этой «игры» в монументальных эпиграфических памятниках относятся этимологизация личного имени, берущая начало в распространившихся к XVII в. азбуковниках, восприятие личного имени как агиотипа, скрытие личного имени в стихотворной надписи в виде акростиха и др.

Наряду с данными «играми» в эпиграфической культуре московского барокко с её тягой к символам и эмблемам отразился

интерес к чужеземным надписям, в том числе к древнеегипетской иероглифике, которая воспринималась во второй половине XVII в. как особая система символов, — либо путём визуального знакомства с надписями, либо в результате соединения традиций древнерусской книжности с западноевропейскими эмблематическими трактатами. Другим примером латиноязычных эпитафий данной эпохи являются переводы латиноязычных эпитафий иерусалимских королей, сделанные иеромон. Арсением (Сухановым) в 1651 г. во время его пребывания в Иерусалиме.

Культура эпиграфической памяти. Долговечность материала носителя надписи и невозможность изменить увековеченный на нём текст без повреждения или уничтожения памятника позволяют выделить эпиграфическую память как один из наиболее устойчивых элементов мемориальной культуры Московской Руси.

В ряде случаев в надписях можно увидеть один из приёмов сохранения памяти агиографической, обусловленной почитанием святых и связанных с ними реликвий. В житиях же русских святых намогильные памятники, как правило, являются частью агиографического пространства и играют роль опознавательного знака над могилой святого, вместе с тем отражая эволюцию русского надгробия от анэпиграфного валуна до камня с вырезанной на нём эпитафией. Отдельные жития сообщают о чудесах, происходящих от надгробий святых. Такие рассказы являются особым видом агиографических памятников. Движение от агиографического факта к факту агиографии можно рассматривать как двуединый процесс — вызванное чудесами поновление стёршихся от времени эпитафий на могилах местночтимых святых и перенос сведений о них на страницы житий.

В народной агиографии памятники старорусской эпиграфики, превратившись в предметы старины, входили в число носителей агиографической памяти. С начала XIX в. основой их почитания становились туманные припоминания, смешанные со смутными представлениями о той или иной исторической эпохе или личности. Иногда инициатором «прославления» намогильных плит часто выступала читающая публика, способная под влиянием исторической прозы *отождествить* полученную информацию с историко-культурным контекстом либо через имя на надгробии, либо через место его находки, при этом создав ореол таинственно-

сти вокруг реликвии. Иногда предания порождались «внеуставным народным благочестием». Во всех случаях покрытый непонятными письменами камень воспринимался как артефакт, имманентный историческому персонажу, а реальная надпись не нуждалась в адекватном восприятии текста.

Своеобразная форма проклятия — запрет памяти (*damnatio memoriae*), практиковавшийся в Римской империи, лежала на стыке политической, религиозной и мемориальной культуры. Статуи и изображения проклятого разрушались, а имена в надписях, в зависимости от тяжести преступления, замазывались глиной (*lutatio memoriae*), либо выскабливались (собственно *damnatio memoriae*), что нашло отражение в многочисленных эпиграфических памятниках. В Средневековье этот обычай не имел такого значения, хотя данной процедуре эпизодически подвергали политических преступников и узурпаторов, уничтожая их изображения или имена в надписях. Случаи намеренного уничтожения лапидарных текстов известны и в Московской Руси. Однако *damnatio memoriae* здесь было не систематическим, а, скорее, случайным явлением, зависевшим от личных антипатий отдельных представителей светской и духовной власти и не наследовало традиции римской и византийской эпиграфики. В древнерусской православной традиции, основанной на вере в *бессмертие души* и регулярном церковном поминовении, одним из регуляторов культуры памяти было назидание. Вот почему *damnatio memoriae* законодательство Руси не знает, а высшей мерой духовного наказания была *анафема*, обрекавшая душу проклятого на вечные муки. Звучавшая в чине Торжества Православия, она поименно перечисляла еретиков, вероотступников и злодеев, что служило грозным назиданием всем верующим.

Проблема сохранения надписей в народной памяти связана с упоминаниями эпиграфических памятников в былинной традиции. Эпиграфическая память, запечатлённая в былинах, многослойна и наряду с эпическими мотивами содержит припоминания о реальных надписях, созданных в разные периоды русской истории — от Древней Руси до Российской империи, зачастую эпически гиперболизированных, а также смешанных с представлениями самих сказителей о современных им предметах и надписях.